

Оригинальная статья

УДК 14

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-3-16-23>

## Топография свободы в оптике гуманистических концепций: Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер и П. Слотердаjk

**Дмитрий Сергеевич Владимиров**

*Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия  
d.vladimirov\_udsu@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-2273-1248>*

**Введение.** В статье конструируется концепция человеческой свободы, которая подразумевает реализацию смысловой целостности в структурах социальной множественности. Цель – расширить представление о свободе в оптике гуманистического философствования.

**Методология и источники.** Автор обращается к текстам Ж.-П. Сартра, М. Хайдеггера и П. Слотердаjка. Приемственность этих текстов выстраивается хронологически-концептуально. Методом исследования является интерпретация посредством смыслового о-пределивания (М. Хайдеггер).

**Результаты и обсуждение.** Концепт свободы представляется темпорально-топологически как выход человека за собственные пределы во множественность проекций социальных возможностей. Процесс выхода понимается как движение из директивности одного единственного сущностного определения как позиции *das Man* в пограничное состояние, открывающее горизонт вариантов и/или инвариантов социальной свободы. Обнаружение горизонта в точке «здесь-и-сейчас» позволяет человеку выбрать и набросить новую целостность на собственное бытие, тем самым заново конструируя существование в коммуникативных границах социального со-присутствия.

**Заключение.** В результате удастся установить, что свобода человеческого бытия в полной мере определяется и переопределяется во взаимоотношении сущности и существования на границе сопричастности индивидуального и социального.

**Ключевые слова:** социальное, свобода, предел, человек, сущность, существование

**Для цитирования:** Владимиров Д. С. Топография свободы в оптике гуманистических концепций: Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер и П. Слотердаjk // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 16–23. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-3-16-23

Original paper

## Freedom Topography in the Optics of Humanistic Concepts: J.-P. Sartre, M. Heidegger and P. Sloterdijk

**Dmitrii S. Vladimirov**

*Udmurt State University, Izhevsk, Russia  
d.vladimirov\_udsu@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-2273-1248>*

**Introduction.** In this article, a concept of human freedom is constructed, that implies the realization of notional integrity in the structures of social plurality. The goal is to expand the understanding of freedom in the optics of humanistic philosophizing.

© Владимиров Д. С., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.



**Methodology and sources.** The author refers to the texts of J.-P. Sartre, M. Heidegger and P. Sloterdijk. The continuity of these texts is arranged chronologically and conceptually. The research method is interpretation through notional limitation (M. Heidegger).

**Results and discussion.** The concept of freedom is represented temporally and topologically. Here a person goes beyond their own limits into a multiplicity of projections of social possibilities. The exit process is understood as a movement from the prescriptiveness of a single definition of essence (the position of *das Man*) to a borderline state that opens up a horizon of variant and/or invariants of social freedom. The discovery of the horizon at the point of here-and-now allows a person to choose and cast a new integrity onto their own being, thereby re-constructing existence within the communicative boundaries of social co-presence.

**Conclusion.** As a result, it is possible to establish that the freedom of human existence is fully defined and redefined in the mutual understanding of the essence and existence on the border between individual and social involvement.

**Keywords:** the social, freedom, limit, person, essence, existence

**For citation:** Vladimirov, D.S. (2026), "Freedom Topography in the Optics of Humanistic Concepts: J.-P. Sartre, M. Heidegger and P. Sloterdijk", *DISCOURSE*, vol. 12, no. 3, pp. 16–23. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-3-16-23

Проблема осмысления человеческого существования является ключевой для традиции концептуализации гуманизма. Чтобы задать базовое понятийное различие в этой концептуализации, обратимся к немецкому идеализму. Здесь целостность бытия рассматривается в аспектах свободы и необходимости. Человек полагается как свободное существо, а природа – как необходимая реальность. Естественный мир существует посредством воспроизведения, а человек, живущий в культурном пространстве, постоянно качественно обновляется. Такое обновление подразумевает открытие новых возможностей. Человек может изменить вектор изначального развития, поменять цель деятельности и т. п. Он может выбрать определенную возможность собственного смысла из неопределенной множественности вариантов. Однако свободу нельзя отделить от необходимости. Методологически эти два бытийственных аспекта рассматриваются как тождественные. Безусловность человеческого существования ограничена детерминизмом природы. При этом как бытие человека, так и бытие природы суть «целостности-в-себе». В каждой целостности возможно сконструировать фундаментальное различие между субъективным и объективным. В связи с этим возникает вопрос о соотношении свободы и необходимости в производстве смысла человеческого бытия. Стандартной рамкой для решения этой проблемы в экзистенциальном варианте гуманизма является постановка вопроса: что является определяющим в отношении сущности и существования? Если сущность определяет существование, то смысл жизни человека задается заранее некой трансцендентностью, будь то Судьба или Бог. Согласно провиденциализму, любому человеку в течение жизни придется совершать выбор между добром и злом. Добро в данном случае понимается как строгое соблюдение заданных заповедей. Здесь совершенно отсутствует вариативность смысла человеческого бытия. Любой отход от выписанного сценария и попытка по-иному задать смысл человеческой жизни трактуется как ересь и в конечном итоге как радикальное зло человеческой природы. Если же существование определяет сущность, то для человека в течение жизни становится возмож-

ным создать и реализовать собственный смысл. Человек может быть любим, потому что он автономно производит самоидентификацию. Свобода личного выбора – это право каждого, поэтому все варианты самоопределения должны быть равноправны. Ни один из смыслов не должен авторитарно подавлять возможность возникновения иного смысла.

Цель данной статьи – проанализировать, как человеческая свобода задается в различных вариантах гуманистического философствования, и выявить, в каком из этих вариантов выписано основание для социальной коммуникации свободных людей, которые, сформировав собственный смысл, не навязывают его другому, а обмениваются друг с другом смыслами так, что каждый с помощью другого выходит за пределы уже существующего к горизонтам возможных выборов.

Решение рамочного вопроса Ж.-П. Сартром предполагает, что сущность человека определяется его существованием. В таком понимании бытия человек наделяется ответственностью за тот смысл жизни, который для себя выбирает. Отрицание трансцендентной инстанции, определяющей суть человеческого бытия, позволяет обратиться к внутреннему смыслоутверждению. Человек в самоосновном выборе смысла несет всю полноту ответственности за все порядки экзистенциальных выборов. Даже за решение снять с себя ответственность, ответственен сам человек. Такая самоосновность подразумевает индивидуальность. Отдельный человек задает смысл для самого себя. Становится возможным рассуждать о свободе выбора на конкретном примере.

Ж.-П. Сартр в эссе «Экзистенциализм – это гуманизм» делится историей одного из своих учеников, которому нужно было сделать выбор: уехать на войну или остаться с матерью. Если бы юноша отправился на войну с целью освободить родину от захватчиков, то его действия носили бы неопределенный характер. «Каждое его действие <...> [могло бы] не оставить никакого следа и не принести ни малейшей пользы» [1, с. 328]. При этом «в отношении матери каждое его действие [имело бы] положительный, конкретный результат в том смысле, что [помогало бы] ей жить» [там же, с. 328]. Ж.-П. Сартр отмечает, что моральные правила не могут помочь молодому человеку сделать выбор. Одной из заповедей христианского учения, рассуждает философ, является любовь к ближнему, но христианство не дает ответа на вопрос, как именно молодому человеку действовать в данном случае и кого считать более ближним: мать или совокупность сограждан. Согласно кантианской морали, нужно рассматривать других людей как цель, а не как средство. Однако если юноша останется с матерью, то сражающиеся солдаты окажутся для него средством. Если он поедет на войну, то средством для него будет мать. Отбросив мораль, молодой человек может прислушаться к интуитивному чувству. Но автор замечает, что «чувство создается поступками, которые мы совершаем» [там же, с. 330], поэтому невозможно руководствоваться интуицией при принятии решений. Даже если юноша решит обратиться к кому-то за помощью, то он все равно будет ответственен за свой выбор. «Когда вы идете за советом, например, к священнику, значит, вы выбрали этого священника и, в сущности, вы уже более или менее представляли себе, что он вам посоветует» [там же, с. 330].

В данном примере Ж.-П. Сартр демонстрирует, что «человек существует лишь настолько, насколько себя осуществляет» [там же, с. 333]. Человек – это «совокупность своих поступков» [там же]. Не важно, что думает молодой человек, важно лишь то, какое

решение он примет, поступив определенным образом. Поэтому человек в любой точке существования уже определен теми действиями, которые совершил в прошлом. Принятое решение, реализуясь в точке настоящего, становится поступком и, соответственно, человеческой сущностью. Вместе с тем «человек станет таким, каков его проект бытия» [там же, с. 323]. Решения принимаются человеком исходя из того, кем он хочет стать в будущем. Ж.-П. Сартр задает жесткую линейность времени. Из точки настоящего человек осуществляет ретроспекцию и встречается с определенностью своей сущности. Он желает изменить себя и формирует проект, в котором представлено его будущее. Образ перспективы помогает человеку принять решение в настоящем и совершить поступок, на который он позже будет смотреть из другой точки настоящего. Здесь и сейчас человек оказывается несвободен. Его сущность – это поступки в прошлом, которые невозможно изменить, а проект себя, постоянно откладываясь во времени, никогда не достигается. Если человек здесь и сейчас не может быть свободным, то он перестает быть автором жизненного смысла. В философии Ж.-П. Сартра время задало жесткую расстановку: прошлое, настоящее, будущее. Время развернулось в линейное пространство (*becoming space of time*). Обнаружение смыслов осуществляется в этом топографическом ряду. Вариативность рядоположенности отсутствует. Значит, в этой концепции нет продуктивной свободы. Человек способен лишь репродуктивно двигаться в рамках уже существующего, выбирая тот или иной инвариант определенности. Выхода за пределы наличного не происходит.

Вступая в диалог с Ж.-П. Сартром, М. Хайдеггер критикует топологичность метафизической позиции и указывает на темпоральность бытия человека. Временной аспект позволяет задать выход за пределы сущего как уже существующего. Метафизика топологична, поскольку отвечает на вопрос «что есть бытие». Чтойность этого вопроса неизбежно подразумевает объективный, или пространственный, аспект. Метафизик, отвечая на этот вопрос, указывает на некую определенность: бытие есть «творение Творца», «материя» и пр. Бытие теряет возможность быть другим. Оно становится необходимым и заданным. Бытие подменяется сущим. Вследствие этого «истина бытия в качестве его просвета остается для метафизики потаенной» [2, с. 202].

Поскольку М. Хайдеггер критикует концептуальную жесткость метафизической позиции, то в качестве конкретных примеров у него выступают не биографии отдельных людей, а различные концепции человеческой сущности. Он обнаруживает, что в философии К. Маркса человек отождествляется с обществом, в котором живет. Сущность человека и его потребности становятся общественными. В христианстве человек полагается как творение Бога. Соответственно, человеческая сущность расположена в ином мире, а этот мир, где актуально присутствует человек, рассматривается как «эпизодическ[ое] преддвери[е] к потустороннему». И марксизм, и христианство являются примерами гуманизма, но как таковой он зародился в античном Риме, где *homo humanus* как человеческий человек противопоставлялся *homo barbarus* как варварскому человеку. Человечный человек в данном случае – это тот, кто культивирует в себе «римскую “добродетель”, *virtus*, путем “усвоения” перенятой от греков “пайдейи”» как особой образованности. В Ренессансе XIV и XV вв. через возвращение к идее римской добродетели происходит возрождение античного гуманизма. Человечность здесь противопоставляется «мнимо[му] варварств[у] готической схоластики Средневековья». Экзистенциализм

Ж.-П. Сартра тоже является метафизикой. Переворачивание метафизического тезиса «сущность предшествует существованию» приводит к другому метафизическому тезису.

В каждом из этих вариантов гуманизма человечность «определяется на фоне какого-то уже утвердившегося истолкования природы, истории, мира, мироосновы, т. е. сущего в целом» [там же, с. 197]. Акцент на сущем не позволяет метафизике задаться вопросом об истине бытия. Метафизика располагает человека «внутри сущего как явление среди других явлений» [там же, с. 198] и потому упускает то, как бытие конституирует человеческое существо. М. Хайдеггер считает, что человек отличается от других живых существ тем, что ближе расположен к бытию. «Способ, каким человек в своем подлинном существе пребывает при бытии, есть экстатическое стояние в истине бытия» [там же, с. 201].

Экстатика есть экзистенция. Части слова *ek-* и *ex-* обозначают выход за пределы чего-либо. Экзистируя, человек выходит за рамки сущего как уже существующего и оказывается стоящим в истине бытия, которое не есть какое-либо «что», а сама возможность всякого сущего. Если бытие не есть сущее, то оно есть ни-что. Ничтожность отсылает к неуловимой длительности времени, к неопределенности. Следовательно, в концепции М. Хайдеггера свобода является неопределенностью времени. Человек выходит в эту неопределенность и, соответственно, становится свободным. Выход в неопределенность происходит из точки просвета бытия. Эта точка топографически определяет сущность человека. Он стоит на границе между известным и непознанным как прошлым и будущим, между определенностью ретроспекции и неопределенностью перспектив. Стояние на границе открывает свет бытия. Этот свет можно различить лишь благодаря уже известному. То, что человек уже знает, позволяет ему прикоснуться к тому, что еще ему неизвестно. Знание структурируется языком, поэтому именно языковые структуры, в которых зафиксирован предшествующий опыт, дают возможность умозрению пробросить себя в неопределенность проекций будущего. В просвете бытия мышление дает бытию слово. Неопределенность бытия начинает говорить через стоящего в просвете человека, получая тем самым свою определенность.

Если мышление дает бытию слово, то именно бытие языка есть субъект того смысла, который артикулируется через человеческое существо как *Dasein*. М. Хайдеггер отмечает, что «эк-зистенция – не актуализация сущности (*essentia*) и тем более не эк-зистенцией производится и полагается сущностное (*essentielle*)» [2, с. 200]. Эк-зистирующее существо самоосновно не производит собственный смысл, а полагается на бытие, которое и позволяет переопределить уже существующее. Человеческое существо, прислушиваясь к бытию и позволяя ему через себя говорить, ведет монолог, в котором не принимает участия Другой. Из точки просвета исходит процессуальность бытия. Пространство становится временем (*becoming time of space*). В точке просвета задается свобода. Поскольку эта точка неделима, или ин-дивидуальна, то свобода оказывается присуща отдельному человеку независимо от его социальных связей. Коммуникация не играет смыслоконституирующую роль. Здесь присутствует свобода как эк-зистирующий выход за пределы сущего, но отсутствует социальное как избыточное пространство смысла.

Развивая хайдеггеровскую философию, П. Слотердайк указывает на невозможность образовать сообщество из стоящих в просвете бытия. «Из этого круга пастухов и друзей бытия невозможно образовать ни нации, ни даже альтернативной школы, – хотя бы потому, что

нельзя дать никакого *общественного канона знаков-бытия* – разве только признать до поры до времени хайдеггеровскую *орегу omnia* в качестве критерия и голоса анонимного «сверхавтора» [3; курсив наш – Д. В.]. Экзистирующее существо отделено от других людей. Оно не подчиняется ни одним правилам, которые бы связывали его с обществом или определенной группой, и, как следствие, оно говорит на непонятном никому языке. Такая позиция является авторитарной и волюнтаристской. Тот, кто считает себя стоящим в просвете бытия, может безапелляционно навязывать свою волю другим, легитимируя это доступом к истине бытия.

В связи с этим П. Слотердаjk подчеркивает, что «просвет [бытия] является одновременно ареной борьбы и местом решения и селекции» [там же]. За это властное место идет борьба потому, что артикулируя с этой позиции какое-либо гуманистическое представление, человек начинает определять существование других людей. Такой человек есть селекционер. Он выбирает, что в человеке человечно и должно быть развито, а что в человеке не-человечно и должно быть обуздано и подавлено. Однако «с помощью тезиса о человеке как селекционере людей опрокидывается гуманистический горизонт» [там же]. Если говорящий от лица бытия определил судьбу остальных, то никто теперь не может предложить иной вариант гуманизма, потому что это вступит в противоречие с самим бытием. Следовательно, селекционер – это авторитарный политик, который формулирует «прави[ла] функционирования человеческ[ого] зоопарк[а]» [там же]. В философии М. Хайдеггера свободным оказывается только экзистирующее существо, которое, как показывает П. Слотердаjk, становится властным субъектом по отношению к сущности других людей. Свобода перестает носить социальный характер. В положении экзистенциального пребывания на границе исчезает необходимость социального свободомыслия.

Социальность появляется, когда П. Слотердаjk обращается к метафоре дружеского письма. Адресант выписывает определенное представление о человеке и посылает этот текст друзьям. Друг – это тот, кто может понять это письмо. Понять значит выйти за собственные пределы. Интериоризируя новое знание, человек раздвигает собственные границы, осуществляет переопределение самого себя и набрасывает новый целостный смысл на бытие. Когда речь идет о дружеской коммуникации, то подразумевается равенство коммуникантов и множественность вариантов гуманизма, который может быть изложен в этом общении. Однако если письма перестают читаться и отправляются в архив, то выхода за пределы не происходит, и человек не обнаруживает себя свободным. В результате существующая концепция человеческой природы безрефлексивно воспроизводится снова и снова. Метафора дружеских писем позволяет задать пространство коммуникации как социальную сопричастность целостного смыслообразования. В социальном пространстве есть множество точек, которые набрасывают целостный смысл на бытие. Есть возможность переместиться из одной точки в другую и задать смысл заново. Ситуация открытых социальных возможностей есть место для предъявления свободы выговаривания человеческой сущности.

Итак, обращение к гуманистическому философствованию позволило выявить, что Ж.-П. Сартр топологизирует время, в результате чего человек оказывается несвободен. Жесткая линейность не позволяет выйти за рамки уже существующего. Квалифицируя сартровскую концепцию как метафизическую, М. Хайдеггер подчеркивает способность человека выйти в истину бытия. Этот выход как экзистирование есть акт свободы. Экзистирование

осуществляется в точке просвета бытия. Через эту точку бытие начинает артикулироваться и длиться. Совершается темпорализация пространства. Однако стояние в просвете бытия, как замечает П. Слотердаjk, предполагает не социальность взаимодействия, а авторитарность селекции. Говоря о дружеских письмах, П. Слотердаjk не относит такую телекоммуникацию к современности, однако думается, что эта метафора позволяет задать свободу человеческого существования социально. Свобода реализуется в общении с Другим в коммуникативном пространстве.

**Заключение.** Обращение к социальному пространству происходит на границе индивидуального и социального. Человек обнаруживает нехватку самого себя и, чтобы выйти за собственные пределы, обращается в избыточное и безграничное пространство коммуникации. Время опространствливается. В этом пространстве человек выбирает текст и начинает его интериоризировать. Теперь сам текст оказывается недостаточным. Его смысл требуется до-полнять в избытке собственного понимания. Пространство становится временем. Далее, человек снова обнаруживает собственную недостаточность и заново обращается к социальному пространству, чтобы еще раз расширить свои границы. В данной интерпретации пространство и время являются тождественными, оставаясь различенными. Сначала происходит объективация индивидуального бытия человека, затем субъективация его социальной сущности. Человечность человека переопределяется, и это приводит к индивидуальному смысловому наполнению. Но такое на-полнение только тогда является актом реализации свободного выбора социального смысла в себе, когда нет остановки этой реализации, когда само-наполнение производится человеком в свободном экзистенциальном дружеском общении. Цикл продолжается дальше. При расширении границ целостность человека сохраняется, но за счет переопределения задается новый смысл этой целостности. Каждый человек может обратиться к социальному пространству, чтобы выбрать проекцию и переопределить себя в ней. Единственно верный смысл отсутствует. Смыслы коммуницируют. Концептуальная множественность гуманизмов определяется в индивидуальном бытии свободного человека.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов / пер. с фр. А. А. Санина; сост. и общ. ред. А. А. Яковлева. М.: Политиздат, 1990. С. 319–344.
2. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Время и бытие: статьи и выступления / сост. и пер. с нем. В. В. Библихина. М.: Республика, 1993. С. 192–220.
3. Слотердаjk П. Правила для человеческого зоопарка: ответ на письмо Хайдеггера о гуманизме / пер. с нем. Т. Тагуновой. 2002 // Nietzsche.ru. URL: <https://www.nietzsche.ru/influence/philosophy/philosophie/sloterdijk/> (дата обращения: 04.11.2025).

### Информация об авторе

**Владимиров Дмитрий Сергеевич** – аспирант кафедры философии и гуманитарных дисциплин Удмуртского государственного университета, ул. Университетская, д. 1, Ижевск, 426034, Россия. Автор восьми научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная онтология, философская герменевтика, немецкий идеализм.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.  
Поступила 07.11.2025; принята после рецензирования 15.12.2025; опубликована онлайн 23.06.2026.*

## REFERENCES

1. Sartre, Je.-P. (1990), "L'existentialisme est un humanisme", Transl. by Sanin, A.A., *Sumerki bogov* [Twilight of the Gods], in Yakovlev, A.A. (ed.), Politizdat, Moscow, USSR, pp. 319–344.
2. Heidegger, M. (1993), "Über den Humanismus", *Sein und Zeit*, Transl. by Bibikhin, V.V., Respublika, Moscow, RUS, pp. 192–220.
3. Sloterdijk, P. (2002), "Regeln für den Menschenpark. Ein Antwortschreiben zu Heideggers Brief über den Humanismus", Transl. by Tagunova, T., *Nietzsche.ru*, available at: <https://www.nietzsche.ru/influence/philosophy/philosophie/sloterdijk/> (accessed 04.11.2025).

### Information about the author

**Dmitry S. Vladimirov** – Postgraduate Student at the Department of Philosophy and Humanities, Udmurt State University, 1 Universitetskaya str., Izhevsk 426034, Russia. The author of eight scientific publications. Area of expertise: social ontology, philosophical hermeneutics, German idealism.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.  
Received 07.11.2025; adopted after review 15.12.2025; published online 23.06.2026.*